

На моих книжных полках рядом стоят небольшие бюсты Фридриха Ницше и Максима Горького. Многие гости не отличают их друг от друга. Из-за усов. Но и в самом Горьком было немало ницшеанского. В определённый момент советский писатель усвоил многое из учения Ницше. Вот только судьба их – и при жизни, и после смерти – сложилась по-разному. Ницше всюду, Горький, наоборот, вычеркнут.

Хотя на улицах городов по-прежнему стоят ему памятники, а площади названы в его честь. Но это эффект прошлых лет, скольжение на былой славе. В актуальном же Горького стало мало. Писатели не слишком любят ссылаться на него. Книги его редко переиздаются и перечитываются. Само имя Горького в определённый момент стало не только не актуальным, но и вредным для воспоминаний.

Хотя при жизни его боготворили. Наверное, только он и ещё Толстой обладали такой славой. Пьеса «На дне» прошла в Берлинском театре с сотнями аншлагов. В городах и сёлах блуждали двойники Горького. Его книги издавались миллионными тиражами. Он, как и Толстой, был сам себе властью, к его мнению не просто прислушивались – высказанное, оно тут же превращалось в максиму, догму.

Но постепенно всё стало сходить на нет. Горького убрали. Образ его сплёлся из мрачных штампов. Набоков сказал, что художественный талант Горького не имеет большой ценности, а дар убог. Солженицын назвал «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (коллективную монографию под редакцией Горького) первой в русской литературе книгой, воспевающей рабский труд, и припомнил все лобзания Максима с властью. Из имени Горького убрали писательский ореол – остался лишь верный слуга «красного режима», человек, воспевающий тоталитарное зло.

Подход этот примитивен, узок. Хоть Горький и написал сотни здравниц в адрес Сталина, а карательные органы назвал едва ли не лучшими людьми. Позволил себе много лишнего, избыточного. Имя Горького срослось с именем Сталина. А споры вокруг последнего никогда не утихнут. Вождя не примут как человека, а станут – и через десятки лет – рассматривать как набор функций, штампов: отрицательных или положительных – в зависимости от воззрений. У Горького будто нет шансов выйти из тени Сталина, отделаться от вождистского шлейфа, стать самостоятельной фигурой. Как и у Сталина нет шансов быть воспринятым объективно – со всеми его промахами и достижениями.

Однако изъять Горького из русской литературы значит сделать её намного беднее. Он, действительно, колоссальный писатель. Горький создал и великие полотна (такие, как,

«Жизнь Клима Самгина»), и прекрасные рассказы. Перечитайте его новеллы начала 20-х годов, написанные в Сорренто. Или ранние рассказы: «Челкаш», «Каин и Артём», «Мальва». В них виден дар титана. Горький писал много, очень много (в том числе и поденщины), но всегда оставался ощутимо талантливым.

Но в его ранних рассказах нет глыбы – той, к которой подойти страшно. Нет, это человек сомневающийся, ломкий, от фраз, мыслей которого веет декадентской тоской и пасмурным романтизмом. Герои его то идут на алтарную смерть, то кончают с собой, отдавая себя в жертву для будущей жизни; кровь удобряет почву, и из неё восходят цветы нового мира. Горький и сам несколько раз пробовал убить себя. Ближе всего он был к этому в Казани, совсем юный, но жизнь уже пощупавший, повидавший – пуля прошла рядом с сердцем. Заговор смерти состоялся.

А после контуры нового мира проступили чётко – и Горький принялся даже не обрисовывать, но отливать их из титана, стали и бронзы, фиксировать на века, чтобы строить новую Вселенную; сначала для себя, а позднее для всех людей. Но это было не жертвенное строительство, не гуманистический порыв – скорее, наоборот.

Горький ведь в принципе не слишком любил людей. Особенно крестьян, в которых часто видел лень, ограниченность, серость. Оборванец выходил из крестьян, возвышался над ними и презирал их (один из излюбленных типажей Горького). Или деталь: «ступни, овальные, как блюдо для рыбы» – и от персонажа уже пахнет рыбой. Таких деталей у Горького – множество. Бродя по Руси, он достаточно навиделся. Жизнь его, несмотря на рождение в зажиточной семье, была сложной, кровопотливой и соединяла с типажамы разными, часто отталкивающими, болезненными. Горький строил мир не для них, а для нового человека. Того, каким ему предстоит стать.

Отчасти потому, когда приехал на Соловки, заявил, что система, действующая там, эффективна, что она выращивает людей с новым, советским мировоззрением. Конечно, тут вспоминают эпизод, рассказанный Лихачёвым: как Горький встретил четырнадцатилетнего мальчика, узника, и долго с ним говорил в бараке, а после вышел и плакал у всех на виду,

обещал рассказать об условиях содержания высшему руководству, но... всё осталось прежним.

Горький, действительно, был сентиментален. Он мог плакать не только над судьбой человека, но и над текстом. Однако, чтобы строить новый мир дальше, Горький не то чтобы становился другим, но включал другое в себе, то, что в нём уже было. При всей своей монументальности он не был высечен из одной глыбы, но состоял из разных эссенций, разных материалов, как огромная мозаичная фигура.

Он уехал из Советского Союза, не согласившись с политикой Ленина, но вернулся позднее, уже к Сталину, и, конечно, многое понимал, многое видел – не мог не понимать, – но шёл на компромиссы, запертый в золотой клетке, которая в итоге оказалась тесной. Врач тогда получал в СССР 300 рублей в месяц, а государство тратило на содержание семьи Горького за тот же месяц 130 000 рублей. Пролетарский писатель жил совсем не по-пролетарски, за что его так разносил Иван Бунин.

Впрочем, только ли он? К концу жизни Горький, похоже, разругался со всеми, и больше всего оказался разрыв с Леонидом Андреевым, называвшим Максима убийцей, преступником. С Андреевым, которому Горький, как и многим другим, в своё время помог. Сколько издательств, журналов он запустил или возродил. Именно Горький стоял во главе культа литературы в Союзе – культа, которого не было и не будет ни в одной другой стране мира. Он сидел даже не на двух, а на многих стульях, занимая всё пространство в театре одного актёра, устремившись к бессмертию.

Бессмертие – ключевое слово для понимания Горького. Известно, что в последние годы он общался с шаманами, во многом разделял идеи русского космизма, интересовался воскрешением человека. Бессмертие – вот что занимало Горького. Бессмертие как черта, отделяющая человека от Бога. И свой мир Горький выстраивал как альтернативу Божьему миру, с которым не мог примириться. Или не мог примириться тот, кто сидел в писателе. В предсмертной записке у Горького есть такие строки: «Останки мои прошу взрезать и посмотреть, какой черт сидел во мне». А за 2 дня до смерти, в бреду, по свидетельству Чертковой, он прошептал: «Знаешь, я сейчас спорил с Господом Богом. Ух, как спорил!»

Павел Басинский на данный счёт высказал очень точную мысль: «Горький заразился холерой, когда ему было 3 года. Отец, ухаживая за больным ребенком, заразился сам и умер. А ребёнок выжил. И мать Горького, виня его в смерти мужа, по сути, ушла от сына, бросив его на попечение бабушке с бабушкой. Это наложило сильный отпечаток на Горького. В основе его мировоззрения после этого лежала обида на Бога». И это, действительно, начало отсчёта – того, с чем Горький не мог примириться и боролся всю жизнь в надежде создать свой – в пику Господу – мир. В советском обществе он подчас видел такие возможности.

Но в итоге ушёл человеком. А затем стало уходить и его наследие, которое только и могло сделать его бессмертным. Чем больше памятников ему сносили, чем больше городов, площадей и улиц лишали его имени, тем слабее он становился. Бессмертие, к которому Горький так стремился, оставляло его. Так уходят боги, когда умирают их последние апологеты, исчезает память о них. В случае Горького это происходит тогда, когда удаляется его последний читатель, а на свалки сносят его книги. Они будто памятники уходящей эпохи Горького.

И вернуть его в мир, подарив бессмертие, значит вспомнить его наследие, воспроизвести созданный им мир, который он с таким чертовским упрямством строил. Сделать это или нет – зависит от человека. Только он решит, заслужил ли великий титан бессмертия. Лично я уверен, что Горький этого более чем достоин.